

УДК 903.2

С.А. Васильев

*Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: anna@neuro.pri.pu.ru*

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА АЛТАЯ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ АРХЕОЛОГИИ ДРЕВНЕКАМЕННОГО ВЕКА

Введение

Территория Алтая давно привлекает внимание исследователей древнейшего прошлого. Расположение горной страны на стыке Средней, Центральной и Северной Азии обуславливает ключевое значение находящихся здесь памятников для определения путей и времени расселения человека в плейстоцене. Цель настоящей статьи – подвести краткие итоги проделанной за последние десятилетия работы и обсудить основные проблемы современного этапа изучения палеолита Алтая. Под Алтаем в данной статье подразумевается его российская часть и северные предгорья (рис. 1). Материалы по археологии юго-западной части этой горной страны, принадлежащей Казахстану, а также расположенных южнее Монгольского и Гобийского Алтая не рассматриваются.

Основные этапы исследования

Следы пребывания палеолитического человека на Алтае были открыты еще до революции. Начало изучения каменного века на этой территории относится к 1930-м гг. и связано с именами С.М. Сергеева, А.П. Маркова и Г.П. Сосновского. С конца 1940-х гг. в этих исследованиях наступил перерыв, который продлился до 1954 г., когда С.И. Руденко приступил к раскопкам Усть-Канской пещеры [Rudenko, 1961]. Это был первый раскопанный в Сибири доверхнепалеолитический объект, получивший мустьерское обоснование десять лет спустя [Анисюткин, Астахов, 1970].

В конце 1950-х – 1970-е гг. изучением верхнепалеолитических стоянок занимались Б.Х. Кадиков, И.М. Гайдук, Б.И. Лапшин и др. В это же время алтайским палеолитом начинает заниматься А.П. Окладни-

ков. Им была открыта (1961 г.) и исследовалась стоянка Улалинка – древнейшее местонахождение в регионе. Под его руководством осуществлялись работы на стоянке Кара-Бом и некоторых других памятниках. В 1970-е гг. во многом благодаря энтузиазму Н.Д. Оводова в зоне внимания археологов оказались карстовые полости Алтая; тогда же были проведены первые раскопки в пещерах Страшная и Денисова.

С 1982 г. берет начало современный этап изучения палеолита Алтая, связанный с реализацией группой новосибирских археологов под руководством ак. А.П. Деревянко масштабной программы по изучению культуры и среды обитания древнего человека. Основные усилия исследователей сосредоточились на многослойных памятниках в долине р. Ануй (пещеры Денисова, Окладникова, Каминная, стоянки Усть-Каракол-1 и 2, Ануй-1 – 3). Экспедиционные маршруты охватили Центральный Алтай. Здесь интересные результаты принесли раскопки стоянки Кара-Бом. Наряду с изучением новых памятников велись исследования давно известных объектов (пещеры Страшная и Усть-Канская).

Работы на этом этапе выгодно отличаются от предшествующих по ряду параметров. Во-первых, изучение серии стоянок открытого и пещерного типов проводится целенаправленно и на долговременной основе. Вблизи Денисовой пещеры, избранной в качестве опорной стратиграфической колонки, основан стационар, на базе экспедиции организована полевая археологическая школа. Раскопочные работы ведутся на высоком научном уровне с индивидуальной фиксацией находок, особое внимание уделяется выявлению сложной стратиграфической последовательности. Во-вторых, исследование носит комплексный характер. К работам привлечены специалисты в области естественных наук из различных научных центров нашей страны

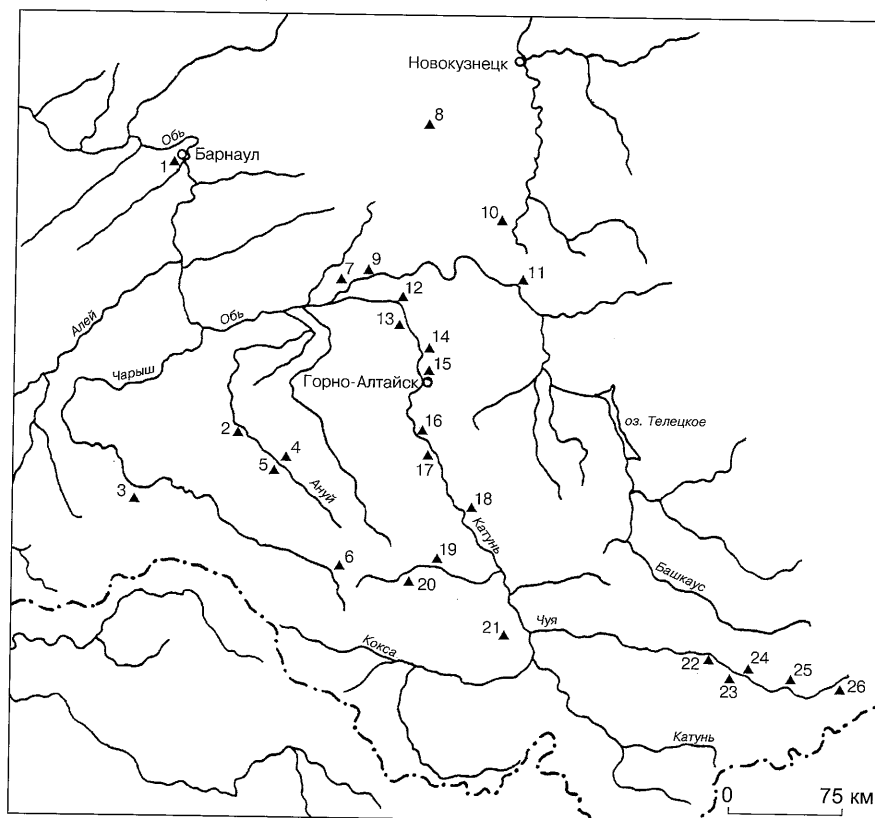

Рис. 1. Карта-схема расположения основных палеолитических памятников Алтая.

1 – Мохнатушка I; 2 – пещера Окладникова; 3 – Страшная; 4 – Денисова, Ануй-1 – 3, Усть-Каракол-1, 2, Искра; 5 – Каминная; 6 – Усть-Канская; 7 – Бийская, Одинцовка IV; 8 – Кунок V, Нахаловка I, Точка II, Колонково I; 9 – Камешок I, III, Енисейское I, Бехтемировская, Чебашихинская Гора; 10 – Ушлеп II, III, V, VI, Школьная Гора I; 11 – Дмитриевка; 12 – Сростки; 13 – Урожайная; 14 – Усть-Иша III; 15 – Улалинка, Майма, Майма I; 16 – Усть-Сема, Усть-Куном; 17 – Тыткескен III; 18 – Кара-Тенеш, Бийка I, II; 19 – Тюмечин I, II, IV; 20 – Кара-Бом; 21 – Малояломанская; 22 – Куяхтена; 23 – Торгун; 24 – Бигдон; 25 – Барбугазы; 26 – Юстыд I.

и из-за рубежа. Здесь задействован практически весь современный спектр методик анализа палеолитических объектов. Подробно изучаются геоморфологическое строение и история развития рельефа речных долин [Деревянко, Лаухин, Шуньков, 1993; Деревянко, Ульянов, Шуньков, 1999]. Получены представительные серии радиоуглеродных, термолуминесцентных, ЭПР-и палеомагнитных дат [Археология, геология..., 1998]. С использованием палеопедологических методов детально изучаются литология и геохимия отложений [Дергачёва, 1997]. Накоплен большой объем палинологических данных [Малаева, 1995, 1998, 1999]. Начата работа по археозоологическому исследованию богатейших коллекций фауны [Гермопре, 1993; Барышников, 1998]. Для реконструкции среды обитания древнего человека анализируются останки крупных млекопитающих, изучается состав фауны грызунов [Агаджанян, 1998; Деревянко и др., 1999; Деревянко, Агаджанян, Шуньков, 1999], птиц [Мартынович, 1990], моллюсков [Зыкин, 1990] и т.д. В-третьих, Алтай стал центром реализации международных программ. В полевых и лабораторных исследованиях принимают участие ученые из США, Канады, Японии, Республики

Кореи, Бельгии, Франции, Германии, Израиля. Важными вехами на пути обобщения накопленных данных стали проведенные в 1990 и 1998 гг. международные симпозиумы [Хроностратиграфия..., 1990; Chronostratigraphy..., 1990, 1992; Палеоэкология..., 1998]. В-четвертых, полевые работы сопровождаются оперативной публикацией полученных результатов. На первом этапе осуществления проекта были выпущены серия препринтов и четыре номера журнала "Altaica". Изданы сборники статей, посвященные комплексному изучению алтайских стоянок [Комплексные исследования..., 1990]. Появились монографии, написанные по материалам пещер Окладникова [Деревянко, Маркин, 1992], стоянок Кара-Бом [Деревянко, Петрин, Рыбин и др., 1998], Тюмечин I и II [Шуньков, 1990], местонахождений Чуйской котловины [Деревянко, Маркин, 1987]. Достаточно полные публикации есть по таким памятникам, как Денисова пещера, Кара-Тенеш, Малояломанская пещера, Усть-Каракол-1 (раскоп 1), Усть-Каракол-2, Ануй-1, Бийка I, II, Искра, Тюмечин IV [Деревянко, Васильевский, Молодин и др., 1985; Деревянко, Молодин, Маркин, 1987; Археология, геология..., 1998]. Менее полно освещены материалы пещер

Каминной и Страшной [Деревянко, Гричан, 1990; Деревянко и др., 1999; Зенин, 1993], предвходовой площадки Денисовой пещеры [Деревянко, Шуньков, Аношкин, 1999], коллекции из раскопа 2 местонахождений Усть-Каракол-1 [Derevjanko, Schunkov, 1998; Деревянко, Шуньков, Постнов, 1998a], Ануй-2 и 3 [Деревянко, Шуньков, Постнов, 1998б, 1998в]. Вышедшие в свет работы отличаются, как правило, детальностью подачи материала, четкостью описания каменного инвентаря, снабжены большим количеством статистических таблиц и прекрасно выполненными иллюстрациями. В-пятых, стоянки Алтая стали своеобразным полигоном для применения новых для нашей археологии методик анализа материалов. Для интерпретации пространственного распределения находок и реконструкции характера технологии обработки камня важны экспериментальные исследования, которые осуществляются на Алтае в непосредственной близости от памятников. Обычные технико-типологические описания артефактов дополняются результатами трасологических [Конonenko, 1990; Волков, 1999] и технологических [Рыбин, 1998] анализов. Особое значение имеют петрографические определения каменных изделий и изучение приуроченности стоянок к источникам сырья [Деревянко и др., 1998; Деревянко, Кулик, Шуньков, 2000; Петрин, Николаев, 1993]. Наряду со статистической обработкой материалов ведется работа по созданию электронных баз данных по памятникам Алтая [Математические методы..., 1995]. Результаты экспедиционных исследований получили освещение в сети Интернет (сайт http://sati.archaeology.nsc.ru/Paleo_DB/Altai/Default.htm; http://www.archaeology.nsc.ru/index_altai.htm)

Говоря о современном этапе изучения палеолита региона, нельзя не отметить вклад археологов Алтайского госуниверситета, ведущих обследование предгорной части Алтая [Кунгуров, 1993a]. К настоящему времени ими изучено несколько стратифицированных верхнепалеолитических памятников, среди которых особого внимания заслуживает многослойная стоянка Ушлеп VI.

Проблема древнейших индустрий

Вопрос о времени появления предков человека на Алтае остается открытым. Учитывая обнаруженные на территории Казахстана и Монголии нижнепалеолитические комплексы, можно с большой долей вероятности говорить о заселении региона в среднем плейстоцене.

Длительное время в центре внимания археологов находилась стоянка Улалинка, изученная А.П. Окладниковым на реч. Улалинке, притоке Маймы. Здесь в разрезе 15 – 16-метрового террасового уровня под современной почвой была вскрыта более чем 2-метровая толща лессовидных суглинков, включавшая позднелеолитический культурный слой. Ниже следовала 5 – 6-метровая пачка суглинков и супесей с обилием галь-

ки и гравия. В основании этого слоя и на контакте с подстилающими его валунно-галечными отложениями встречены многочисленные раздробленные гальки кварцита, среди которых выделены артефакты. Сначала комплекс относили к среднему плейстоцену [Окладников, 1972], а позже, в связи с получением ТЛ-дат для подстилающего культурные остатки уровня, его возраст был удревлен до 1,5 млн лет [Okladnikov, Pospelova, 1982; Okladnikov, Ragozin, 1984]. Согласно геологическим наблюдениям, изделия были переотложены на размытую поверхность неогеновых отложений и их возраст не может быть определен датой вмещающих пород [Барышников, 1990; Baryshnikov, Maloletko, 1999]. Еще один важный вопрос касается определения подлинности артефактов Улалинки. На памятнике обнаружено огромное количество раздробленных кварцитовых галек, в т.ч. немного предметов (одноплощадочные ядрища, скребла, чопперы, отщепы) со следами обработки человеком. Однако точно установить происхождение последних уже невозможно (часть вещей вообще не из раскопок, а из сборов в русле ручья); не следует забывать и о наличии здесь верхнепалеолитического культурного слоя. Таким образом, Улалинка и сегодня остается загадочным памятником, и в будущем целесообразно возобновить его исследования для выяснения характера комплекса.

Средний палеолит: хронология и вариабельность

Начиная, вероятно, с казанцевского межледникового (соответствующего рисс-вюрму европейской шкалы) в регионе фиксируется развитие мустьерских индустрий, наиболее четко датированных в позднем интервале (каргинское время, средний вюрм; см. *таблицу*).

Находки леваллуа-мустьерского облика открыты в разных уголках Алтая – от предгорий до внутренних межгорных котловин. Важнейшие опорные пещерные комплексы среднего палеолита – колонка слоев 22 – 12 во внутренней части Денисовой пещеры, комплексы слоев 10 – 8 в предвходовой части той же карстовой полости, материалы из пещеры Окладникова (рис. 2, 3). Отметим принадлежность к мустье основной части находок из пещер Усть-Канская, Страшная и, возможно, из нижней части отложений в гроте Бийка I [Окладников и др., 1973; Деревянко, Гричан, 1990; Деревянко, Маркин, 1992; Зенин, 1993; Археология, геология..., 1998; Деревянко, Постнов, Чевалков, 2000; Derevjanko, Shunkov, Nash et al., 1993]. Среди мустьерских памятников открытого типа следует называть комплексы М1 и М2, выделенные на стоянке Кара-Бом, слой 4 местонахождения Усть-Каракол-1 (раскоп 1), горизонты 13 – 18Б в разрезе раскопа 2 того же местонахождения, нижние горизонты стоянки Ануй-3, культурные слои 6 – 8 стоянки Ушлеп VI

Геохронология палеолитических памятников Алтая

Возраст, тыс. л.н.	Климатостратиграфические подразделения неоплейстоцена (по: [Кинд, 1974])		Средний палеолит	Верхний палеолит
10,3	Сартанское оледенение	Норильская стадия	–	Мохнатушка I; Усть-Сема, нижний слой (?); Усть-Куюм, 4 слой; Каратурук (?); Усть- Иша III; Сrostки, слои 2 и 3; Урожайная; Ушлеп II, III, VI, слой 2 (?); Школьная Гора I; Бийская; Енисейское I; Бехтемировская; Чебашихинская Гора; Майма, нижний слой; Майма I; Куюк V; Нахаловка I; Колонково I; Точка II; Камешок I, слой 3; Камешок III; Каминная, слои A и 10 – 14; Страшная, слой 3a; Искра, слой 5b; Усть-Каракол-1, слои 2 – 4
11				
13		Интерстадиалы (таймырский и кокоревский)		Тыткескень III, слой 6
15,5		Ньяпанская стадия		Тыткескень III, слой 7 (?) Дмитриевка
16		Ранний интерстадиал		Денисова пещера, слой 9 в центральной камере и 5 и 6 в предвходовой части (?)
24		Гыданская стадия		Ануй-2, горизонты 1 – 8
25	Каргинские интерстадиалы	Липовско- новоселовское потепление		Ануй-2, горизонты 9 – 12 Усть-Каракол-1, слой 2 (раскоп 1) и слой 5
30				
34		Конощельское похолодание	Пещера Окладникова, слой 1 Усть-Каракол-1, слой 4 (раскоп 1)	Кара-Тенеш Усть-Каракол-1, слой 3 (раскоп 1), слои 8 – 9 Усть-Каракол-2, слой 3 Ануй-1, слой 3 Малояломанская Кара-Бом, слои 1 – 4
42		Малохетское потепление	Пещера Окладникова, слои 2 – 7 Денисова пещера, слои 11 в центральной камере и слой 7 на предвходовой площадке Бийка I, нижняя часть отложений	Усть-Каракол-1, слои 10 и 11
43		Лохподгортское похолодание		Кара-Бом, слои 6 и 5
50		Игаркинско- золотомыское потепление	Кара-Бом, слои M1 и M2	–
100	Ермаковское оледенение	–	Усть-Каракол-1, слои 13 – 18 Денисова пещера, слои 9 и 8 в предвходовой части и слои 21 – 12 в центральном зале	–
130	Казанцевское межледниковье	–	Денисова пещера, слой 10 в предвходовой части и слой 22 в центральной камере(?)	–

[Деревянко и др., 1998; Derevjanko, Schunkov, 1998; Деревянко, Шуньков, Постнов, 1998a; Кунгуров, 1998a; Деревянко, Шуньков, Маркин, 2000], переотложенные материалы с местонахождений Тюмечинского комплекса [Шуньков, 1990; Shunkov, 1990].

К числу древнейших среднепалеолитических комплексов относятся, вероятно, нижние слои, вскрытые раскопом 2 на стоянке Усть-Каракол-1, а также в цен-

тральном зале и на предвходовом участке Денисовой пещеры, которые отнесены к казанцевскому времени. Развитие культуры среднего палеолита в ермаковский период демонстрируют соответствующие культуросодержащие отложения в Денисовой пещере и на стоянке Усть-Каракол-1 (раскоп 2). Наконец, часть мустьерских памятников датирована в пределах каргинского века, примерно 45 – 33 тыс. лет.

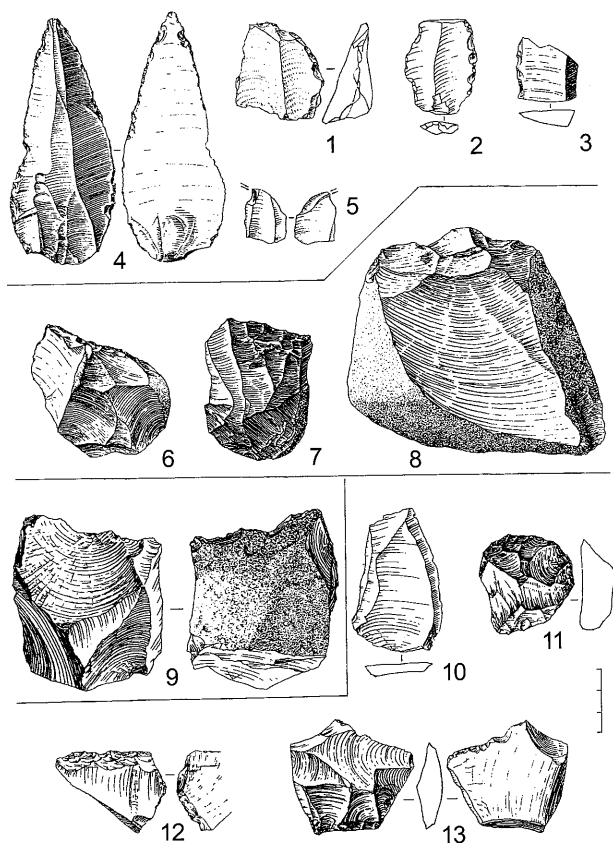

Рис. 2. Каменный инвентарь из центральной камеры Денисовой пещеры (по: [Деревянко и др., 1985]).

Средний палеолит Алтая.

1 – 5 – слой 22; 6 – 8 – слой 21; 9 – слой 14; 10 – 13 – слой 16.
1, 2, 6, 12, 13 – скребла; 3 – зубчатое орудие; 4, 10 – остришки леваллуа; 5 – резец; 7, 9 – ядрища; 8 – галечное орудие; 11 – отщеп леваллуа.

Некоторые противоречия возникают с оценкой хронологии нижней части отложений в центральном зале Денисовой пещеры. Судя по радиотермолюминесцентным датам, накопление слоев 22 и 21 происходило в среднем плейстоцене. Однако такому определению противоречит состав фауны грызунов. Вероятно, межледниковые условия формирования слоя 22 соответствуют казанцевскому времени.

Весьма сложно реконструировать характер систем расселения среднепалеолитических обитателей Алтая. Можно предположить, что местами обитания были как скальные убежища, так и открытые стоянки в речных долинах.

Интересно отметить наличие определенной дифференциации комплексов. Например, в пещере Окладникова большая доля (10 – 12%) законченных орудий и крайне ограниченный набор ядрищ и первичных сколов заставляют предположить, что основную массу заготовок приносили на место обитания извне. В других пещерных комплексах имеются следы осуществления полного цикла обработки камня.

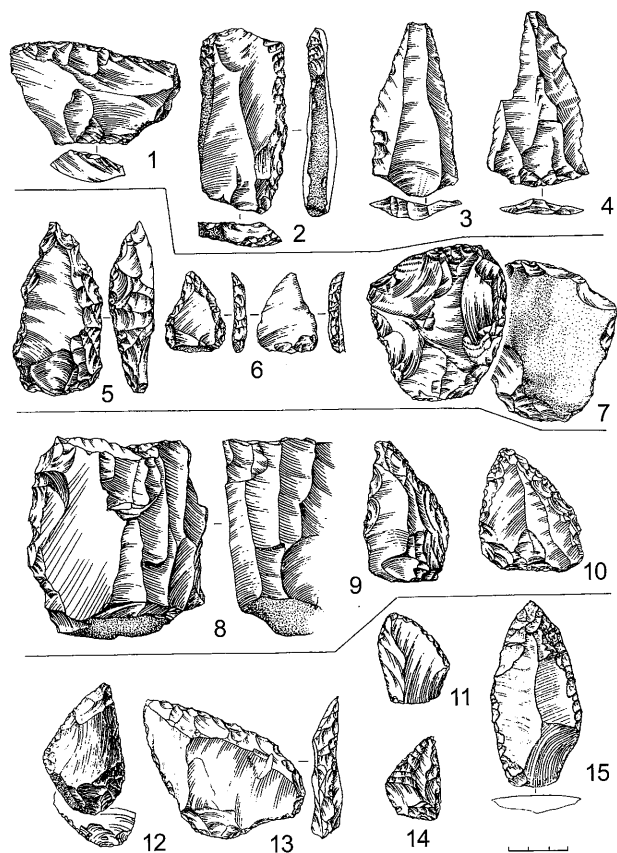

Рис. 3. Каменный инвентарь из пещеры Окладникова (по: [Деревянко, Маркин, 1992]). Средний палеолит Алтая.

1 – 4 – слой 7; 5 – 7 – слой 6; 8 – 10 – слой 3; 11 – 15 – слой 2.

1, 2, 5, 6, 9 – 14 – скребла различных типов; 3, 4 – острия леваллуа; 7, 8 – ядрища; 15 – остришко леваллуа.

На среднепалеолитических памятниках обнаружены немногочисленные искусственные конструкции – обложенный камнями очаг (слой 10 Усть-Канской пещеры), кострища и “рабочая площадка” (нижние слои стоянки Усть-Каракол-1 (раскоп 2)).

Особенности пещерных комплексов затрудняют восстановление характера хозяйства среднепалеолитических обитателей. Вероятно, значительная часть фаунистических остатков накапливалась в скальных полостях в силу естественных причин. Можно предполагать, что люди охотились на стадных копытных – лошадей, горных козлов и баранов, бизонов, оленей, куланов. В пещере Окладникова преобладают костные остатки лошади, в Денисовой – лошади, бизона, марала и горного козла, в Усть-Канской пещере – аргали и зайца. До полной публикации списков, отражающих видовой состав фауны по слоям, и результатов их анализа с точки зрения тафономии и характера дробления трудно судить, в каком соотношении находились охотничья деятельность и сбор падали, а также транспортировка и разделка трофеев.

Сырьем в среднем палеолите служили алевролиты, кремнистые сланцы, песчаники, роговики, порфиры, туфы, добывавшиеся в виде галек, и конкреции горных пород из обнаженных отложений руслового аллювия, причем широко использовались породы низкого качества.

Различают несколько вариантов мустьерских индустрий Алтая, хотя их хронологическое членение и интерпретация – дело явно преждевременное. Следуя принятым для среднего палеолита условным критериям, пока можно выделить мустье типичное с умеренным развитием леваллуазской техники (Денисова пещера), своеобразный вариант мустье типичного с обилием угловатых скребел (пещера Окладникова), леваллуа-мустье (пещеры Страшная, Усть-Канская, местонахождение Тюмечин I), а также плохо диагностируемые нелеваллуазские непластинчатые индустрии, основанные на технике радиального скалывания (местонахождение Тюмечин II и пещера Каминная, хотя в последнем случае необычайная грубость сырья наложила свой отпечаток на облик изделий). Особое место занимает мустье с листовидными бифасами (стоянка Усть-Каракол-1 (раскоп 1)), возможно, наиболее позднее по времени, по сравнению с отмеченными фациями (рис. 4, 10, 11).

Вопрос об антропологическом типе носителей этих индустрий пока остается открытым. Морфологические особенности немногочисленных антропологических находок периода среднего плейстоцена из пещер Денисовой и Окладникова (семь зубов) в разные периоды их исследования интерпретировались по-разному. Широкую известность получила точка зрения К. Тернера [Turner, 1988, 1990], согласно которой древние одонтологические образцы Алтая имели наибольшее сходство с зубами европейских неандертальцев и в расовом отношении тяготели более к европейской, чем к восточно-азиатской генетической общности. Ведущий отечественный антрополог В.П. Алексеев [The Paleolithic..., 1997] был не столь категоричен в оценке находок из пещеры Окладникова. По его мнению, исследуемые антропологические образцы мало информативны и не имеют расодифференцирующих признаков, которые помогли бы прояснить вопрос об антропологическом типе древнего населения степной полосы Южной Сибири. Архаические же особенности, отмеченные у одного из постоянных моляров, В.П. Алексеев не считал достаточным основанием для видовой диагностики. Вопрос о соотношении среднеплейстоценового алтайского населения с представителями современных или неандертальских форм остался открытым. Точка зрения В.П. Алексеева базировалась на получившей признание у многих отечественных антропологов оценке одонтологических образцов как информационно бедных (их морфологические особенности при характеристике палеома-

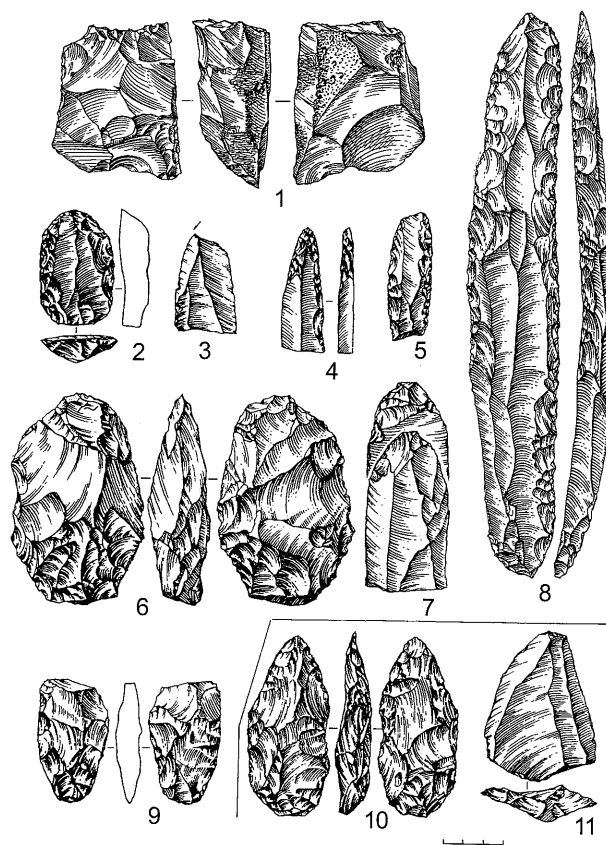

Рис. 4. Каменный инвентарь из раскопа 1 стоянки Усть-Каракол-1 (по: [Деревянко, Молодин, Маркин, 1987]). Средний палеолит и начальная стадия верхнего палеолита Алтая.

1–9 – слой 3; 10, 11 – слой 4.

1 – ядрище; 2 – скребок; 3 – резец; 4 – острие; 5 – скребло; 6, 9, 10 – бифасы; 7 – пластина с утончением; 8 – ретушированная пластина; 11 – скол леваллуа.

териала иногда даже не упоминались). На самом деле зубная морфология может являться источником очень важных расогенетических признаков.

Использование методик, предложенных А.А. Зубовым [1968, 1974; Зубов, Халдеева, 1989, 1993], при повторном изучении алтайского материала из обеих пещер позволило получить следующие результаты [Шпакова, Деревянко, 2000]:

1) одонтологические комплексы древнего алтайского населения неоднородны: материал из пещеры Окладникова предположительно подразделяется на два морфотипа, резец и молочный моляр из Денисовой пещеры относятся, скорее всего, к третьему морфологическому типу;

2) зубы, обнаруженные в Денисовой пещере, характеризуются большим набором архаических признаков, по метрическим параметрам близки с неандертальскими образцами из Европы и Средней Азии. Зубы, обнаруженные в пещере Окладникова, более схожи с верхнепалеолитическими образцами;

3) морфологические особенности в целом не позволяют соотнести выделенные одонтологические комплексы с неандертальской стадией развития, т.к. на всех зубах отсутствуют ее специфические признаки;

4) расодиагностический анализ зубов из пещеры Окладникова показал значительно большую концентрацию признаков “восточного” направления среди одонтологических особенностей. Одонтоскопические признаки, напротив, почти полностью соответствуют характеристикам “западного” одонтологического ствола;

5) можно предположить существование на территории Алтая в столь древний период людей современного вида. Возможно, имели место расогенетические связи с соседним среднеазиатским регионом.

Удивительно, что, несмотря на огромную удаленность Северной Азии от Европы и Ближнего Востока — основных центров развития мустье, общий облик индустрий этих территорий в принципе сходен. В Сибири, как и в других зонах распространения, мустьерская культура представлена несколькими параллельно существовавшими вариантами [Derevianko, Markin, 1995]. Безусловно, продолжение раскопок должно увеличить количество вариантов мустье Алтая. Однако уже сегодня можно отметить, что здесь в отличие от гротов на юго-западе Франции не прослеживается переслаивание индустрий, относящихся к разным вариантам мустье; в каждом памятнике по всей колонке представлена только одна разновидность. Причины подобного деления не вполне ясны, хотя и очевидны различия в функции скальных убежищ, влиянии сырьевой базы на технологии обработки камня.

По общему облику мустьерских индустрий можно проследить связи между синхронными памятниками, расположенными в Сибири, Средней Азии, на Ближнем и Среднем Востоке. Мустьерские памятники Монголии и Сибири можно считать крайними восточными пунктами на карте распространения этого культурного комплекса [Ранов, 1990]. Ареал среднего палеолита в Сибири был, судя по результатам новейших исследований, достаточно велик и включал кроме Алтая Кузбасс, долины Енисея, Ангара, верхней Лены и, вероятно, Забайкалье, бассейн верхнего течения Нижней Тунгуски и Виллой.

Начало верхнего палеолита

В настоящее время наиболее информативным объектом, сохранившим многочисленные хорошо датированные находки, является стоянка Кара-Бом. Материалы, относящиеся к рассматриваемой эпохе, получены также со стоянки Кара-Тенеш, из слоя 3 на стоянке Усть-Каракол-1 (раскоп 1) и 2, слоев 8 — 11 из пункта Усть-Каракол-1 (раскоп 2), слоя 3 стоянки Ануй-1, из Малояломанской пещеры, верхней части слоя 3 в пещере Страшной, слоя 11 в центральном

зале и слоя 7 в предвходовой части Денисовой пещеры. Предположительно к ранней фазе верхнего палеолита причислены такие местонахождения, как Одиночка IV, Ушлеп VI (слой 5) [Кунгуров, 1988, 19986], хотя установление времени существования этих комплексов — дело будущего.

Как и в мустьерское время, в начале верхнего палеолита гоминиды расселялись в пещерах и на открытых стоянках. К раннему этапу верхнего палеолита относятся очаги (стоянка Усть-Каракол-1, пещера Малояломанская) — свидетельства искусственных конструкций.

Хозяйственная деятельность ранних верхнепалеолитических обитателей Алтая основывалась на добыче стадных копытных (лошадь, кулан, аргали) и шерстистого носорога. Признаки специализированной охоты не прослеживаются.

Технологии индустрий в этот период были основаны на использовании преимущественно местных пород камня, добывавшихся из осадков руслового аллювия (липариты, кварциты, роговики).

С учетом археологических данных, полученных в последние годы, на раннем этапе верхнего палеолита можно проследить культурную дифференциацию индустрий. Выделяется группа пластинчатых комплексов (Кара-Бом, Кара-Тенеш, слой 3 раскопа 1 стоянки Усть-Каракол-1, Ануй-1, Малояломанская), основанных на технологии получения крупных длинных пластин с плоских ядрищ. Отмечено сохранение многих черт леваллуазской техники. Интересно, что вместе с одно- и двуплощадочными плоскими, леваллуазскими треугольными и дисковидными формами нуклеусов фиксируется зарождение техники снятия мелких пластинок с торца ядрища. В орудийном наборе доминируют разнообразные ретушированные пластины, остроконечники (для некоторых комплексов характерен прием подработки овального основания ретушированных пластин и остроконечников ретушью на брюшке), острия, скребла, много зубчато-выемчатых форм, проколов. Имеются выразительные серии резцов и скребков. Для ряда памятников зафиксированы листовидные бифасы (рис. 4, 1, 9). Находки из Малояломанской пещеры указывают на использование охры и украшений.

Весьма специфичный вариант культуры представлен материалами из слоев 8 — 11 раскопа 2 стоянки Усть-Каракол-1. Для них характерны развитая микропластинчатая техника, скребки высокой формы, скребла, резцы.

Переход от мустье к верхнему палеолиту в Сибири происходил примерно в то же время, что и в Европе [Goebel, Derevianko, Petrin, 1993; Escutenaire, 1994; Derevianko, Petrin, 1997; Derevianko, Petrin, Nikolaev et al., 1999]. В Северной Азии мустьерская в своей основе индустрия в основном постепенно обогащалась верхнепалеолитическими элементами, ввиду чего грань между финальным мустье и начальным

верхним палеолитом оказалась размытой. Как показывают данные, полученные в последние годы в ходе изучения памятника Кара-Бом, начало этого процесса относится к более раннему, чем считалось до сих пор, периоду и о длительном сосуществовании средне- и верхнепалеолитических индустрий.

Средний этап верхнего палеолита

До 1970-х гг. средняя пора верхнепалеолитической эпохи в Сибири выделялась лишь по материалам Приангарья. Развитая пластинчатая индустрия Мальты и Бурети в сочетании с полным набором выразительных черт культуры верхнего палеолита европейского круга (искусство, орнамент, домостроительство) явно выделялась на фоне известных в то время в разных районах Северной Азии позднепалеолитических комплексов. Такой контраст давал повод для механического переноса культуры с берегов Дона на Ангару. Со временем информационная лакуна стала заполняться благодаря материалам, относящимся к данному временному отрезку, из Забайкалья и с Енисея. Становилось ясно, что мальтинская культура, несмотря на все ее своеобразие, является частью общности пластинчатых индустрий средней поры верхнего палеолита Сибири и по многим параметрам сходна с культурами верхнего палеолита европейского типа.

Подобные материалы были обнаружены и на Алтае. Серия комплексов, четко датированных в интервале 21 – 28 тыс. лет, получена на стоянке Ануй-2 [Деревянко, Шуньков, Постнов, 1998б]. В слоях обнаружены многочисленные остатки кострищ, встречены плоские, призматические и клиновидные ядрища, разнообразные скребла, скребки, резцы, зубчатые выемчатые формы, лимас и др. Индустрию дополняют выразительные серии пластинок с притупленным краем и ретушным усечением, микроострий. Близки к упомянутым комплексам по времени слой 2 (раскоп 1) и слой 5 (раскоп 2) стоянки Усть-Каракол-1.

К средней поре верхнего палеолита Алтай относят индустрию с листовидными бифасами из местонахождения Тюмечин IV [Археология, геология..., 1998], хотя нельзя исключить ее более поздний (среднесартанский) возраст. К сожалению, переотложенность и, вероятно, смешанный характер коллекции затрудняют выяснение места памятника в системе древностей Алтая. Неясно и то, можно ли включать в эту группу комплекс 3 так называемого мальтинского культурного слоя стоянки Ушлеп VI [Кунгуров, 1996б, 2000], поскольку его геологическая дата не определена.

Финал палеолита

Памятники позднесартанского времени хорошо известны на Алтае. Они распространены практически по

всеместно – от Предалтайской равнины (Мохнатушка I) до Чуйской котловины (Юстыд I), и представлены как стоянками открытого типа, так и пещерными комплексами. К сожалению, стоянки открытого типа, как правило, приурочены к “немым” лессовидным суглинкам и супесям в верхней части отложений надпойменных террас [Сосновский, 1941; Матющенко, 1966; Окладников, Владыкин, 1967; Лапшин, Кадиков, 1981; Кадиков, Лапшин, 1978; Деревянко, Петрин, Рыбин, 1992; Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992а, б; Кунгуров, 1990, 1993б, 1994, 1996а; Кунгуров, Кадиков, 1985; Кунгуров, Маркин, 1995; Кунгурова, 1992, 1994; Маркин, 1998а, б; Семибратов, 1995], поэтому выделение палеолитических материалов произведено с заметной долей условности. Исследования по реконструкции палеосреды в регионе не велись; практически отсутствуют абсолютные даты (кроме единичных дат по стоянкам Дмитриевка и Тыткескен III). Все это не позволяет провести корреляцию комплексов с климатостратиграфическими единицами позднесартанского времени. Отметим приуроченность ряда культурных горизонтов (слой 2 стоянки Ушлеп VI; слой 3 стоянки Камешок I; стоянка Точка II; нижний слой стоянки Майма) к остаткам погребенных почв. На хронологической таблице памятники условно причислены к завершающей фазе плейстоцена, хотя часть материалов, возможно, будет отнесена к более раннему (в пределах сартанской эпохи) периоду или к голоцену.

Финальнопалеолитические комплексы зафиксированы в ряде пещер и свидетельствуют о том, что в позднесартанское время человек после долгого перерыва вновь начинает активно осваивать скальные убежища. Такие комплексы зафиксированы в слое 9 во внутренней полости и слоях 5 – 6 на предвходовой площадке Денисовой пещеры, слоях 3а и 3в в пещере Страшной, слоях А1 – А3 и 10 – 14 в пещере Каминной, предположительно слое 5б в пещере “Искра” [Деревянко и др., 1990; Деревянко, Гричан, 1990; Зенин, 1993; Деревянко, Шуньков, Аношкин, 1998, 1999].

В долинах памятники группируются в “гнездами”, как правило, приуроченными к районам с контрастным ландшафтом, стыкам физико-географических зон. Так, большое число местонахождений известно на месте слияния рек Бии и Катунь, в Солтонской впадине близ рек Ушлепа и Чулды. Финальнопалеолитические пункты зафиксированы как в покровных отложениях низких уровней террас, так и на возвышенностях.

Основная часть памятников представляет собой жилые стоянки, на которых осуществлялся полный цикл обработки камня. Такое совмещение стоянки и мастерской обусловлено широким использованием местного галечного сырья (алевро-песчаники, алевролиты, песчаники, кремнистые сланцы, кварциты, кремни, туфы и др.), добывавшегося в непосредственной близости от места обитания на речных пляжах,

выходах конгломератов и из цоколей террас. Известны также стоянки-мастерские (Сопка Урожайная). Интересные следы отбивания человеком кусков от глыб фельзита зафиксированы на местонахождении Бигдон.

Культурные слои сохранили искусственные структуры в виде кострищ (стоянки Бийская, Дмитриевка, Сростки, Нахаловка I) и очажных конструкций с каменными обкладками (стоянки Майма, Усть-Кулом), плоских каменных вымостков (стоянки Майма и Ушлеп III), функция которых пока не выяснена. На стоянке Усть-Кулом описаны следы столбовых ямок и скоплений орудий и нуклеусов. Примечательны ямы-хранилища, заложенные предположительно с уровня слоя 9Д в Денисовой пещере и содержавшие специфический набор изделий из кости и украшений.

Хозяйство позднелептостеинских обитателей Алтая базировалось на промысле диких лошадей, первобытных быков и бизонов. Судя по материалам из Каминной пещеры, охотничьей добычей становились также благородный олень, косуля, горные козлы и бараны. В отличие от других регионов Сибири здесь достоверных останков северного оленя не встречено. Среди фаунистических остатков в Каминной пещере отмечены кости носорога. Немногочисленные остеологические остатки мамонта пока не могут быть четко увязаны с охотничьей деятельностью, вероятно речь идет о сборе костей.

Материалы большинства расположенных на Алтае местонахождений финального палеолита имеют сходство по облику индустрии, синхронной культуре обитателей юга Сибири и напоминающей находки с афоновских стоянок на Енисее. Это комплексы с плоскими и клиновидными ядрищами, многочисленными скребками, скребками, долотовидными орудиями, чопперами (стоянки Сростки, Майма, Усть-Кулом, Урожайная и др.). На материалах финальнопалеолитических памятников Алтая, учитывая их хронологическую неясность, вряд ли возможно выделить какие-то варианты и тем более археологические культуры. На ряде объектов (стоянки Ушлеп III, Тыткескен III (6-й культурный слой)) представлена пластинчатая индустрия с призматическими ядрищами, специфическими пластинками с ретушным усечением концов, скребками, скребками, резцами и др. [Кунгуров, 1987].

С пещерами Северо-Западного Алтая связана индустрия с призматическими нуклеусами, ретушированными пластинами, пластинками с притупленным краем, скребками, резцами. Комплексы дополнены костяными орудиями, богатым набором украшений из кости, бивня и даже скорлупой яиц страуса. В Денисовой пещере обнаружен уникальный для Сибири образец сегмента. Находка обозначила крайнюю восточную точку ареала геометрических микролитов в Северной Азии. Возможно, на культурах Алтая сказалось влияние микролитических индустрий Казахстана и Западной Сибири.

Заключение

В настоящее время палеолит Алтая представляет собой наиболее полно изученный раздел истории каменного века Северной Азии. Выразительными сериями на территории региона представлены памятники, относящиеся как к среднему, так и ко всем основным этапам верхнего палеолита. Это дает возможность рассмотреть динамику древних культур в их взаимодействии с природной средой на огромном временном отрезке [Derevianko, 1990, 1997; Otte, Derevianko, 1996; Derevianko, Markin, 1999; Маркин, 1996]. На основе алтайских материалов впервые для Сибири были проанализированы ключевые проблемы первобытной археологии, касающиеся характера variability мустьерских индустрий и генезиса верхнего палеолита. В силу уникальной концентрации многослойных памятников пещерного и открытого типов северо-западная часть Горного Алтая приобретает статус "классического" опорного района для всего палеолита Северной и Центральной Азии, как юго-западная часть Франции для археологии Европы.

Можно наметить несколько направлений первоочередных задач исследований. Прежде всего необходимо решить спорные вопросы, касающиеся датировки нижних слоев Денисовой пещеры. Предстоит определить хронологию разнослойных индустрий в пещерах Страшная и Каминная, провести корреляцию колонок различных пунктов на стоянке Усть-Каракол-1. В комплексном изучении нуждаются разрезы стоянок финального палеолита, связанные с надпойменными террасами. Важно получить серийные радиоуглеродные даты. Для выявления роли естественных и антропогенных факторов в формировании пещерных комплексов и реконструкции сезонности обитания, характера разделки охотничьей добычи и т.д. требуется применение новейших методик археозоологического анализа.

Благодарности

За любезно предоставленную возможность ознакомления с материалами, обмена информацией и публикациями, а также участие в дискуссиях, касающихся палеолита Алтая и сопредельных территорий, я благодарен А.П. Деревянко, Р.С. Васильевскому, В.Т. Петрину, С.В. Маркину, М.В. Шунькову, А.В. Постнову, А.Н. Зенину, А.Л. Кунгурову, Ю.В. Гричану, Н.Д. Оводову, Г.Ф. Барышникову, С.А. Лаухину.

Список литературы

- Агаджанян А.К. Фауна мелких млекопитающих Денисовой пещеры // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 34 – 41.

- Анисюткин Н.К., Астахов С.Н.** К вопросу о древнейших памятниках Алтая // Сибирь и ее соседи в древности. – Новосибирск: Наука, 1970. – С. 27 – 33.
- Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая / А.П. Деревянко, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, М.И. Дергачёва, Т.А. Дупал, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.Н. Феденёва, И.В. Форонова, М.В. Шуньков.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 176 с.
- Барышников Г.Ф.** Палеоэкология древнейших обитателей Горного Алтая // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Ч. 1. – С. 42 – 49.
- Барышников Г.Я.** Геологические условия залегания и проблема возраста Улалинской палеолитической стоянки // Изв. СО АН. Сер. истории, филологии и философии. – 1990. – Вып. 2. – С. 28 – 33.
- Волков П.В.** Трасологические исследования в археологии Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 192 с.
- Дергачёва М.И.** Археологическое почвоведение. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – 228 с.
- Деревянко А.П., Агаджанян А.К., Шуньков М.В.** Микротирифауна палеолитических комплексов Горного Алтая // Экология древних и современных обществ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. – С. 6 – 9.
- Деревянко А.П., Васильевский Р.С., Молодин В.И., Маркин С.В.** Исследование Денисовой пещеры. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1985. – Вып. 1. – 20 с.; Вып. 2. – 41 с.; Вып. 3. – 64 с.; Вып. 4. – 65 с.; Вып. 5. – 52 с.; Вып. 6. – 27 с.
- Деревянко А.П., Гричан Ю.В.** Исследование пещеры Каминная. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – 60 с.
- Деревянко А.П., Кулик Н.А., Шуньков М.В.** Геолого-петрографический контроль качества сырья палеолитических индустрий Северо-Западного и Центрального Алтая // Три века горно-геологической службы России. – Томск: ГалаПресс, 2000. – Т. 1. – С. 5 – 7.
- Деревянко А.П., Лаухин С.А., Шуньков М.В.** Стратиграфия плейстоцена северо-запада Горного Алтая // Докл. Акад. наук. – 1993. – Т. 331, № 1. – С. 78 – 81.
- Деревянко А.П., Маркин С.В.** Палеолит Чуйской котловины. – Новосибирск: Наука, 1987. – 113 с.
- Деревянко А.П., Маркин С.В.** Мустье Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1992. – 225 с.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Болиховская Н.С., Орлова Л.А., Форонова И.В., Дупал Т.А., Гнибиденко З.Н., Ефремов С.А., Цынерт И.И.** Некоторые итоги комплексных исследований пещеры Каминная (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 98 – 104.
- Деревянко А.П., Молодин В.И., Маркин С.В.** Советско-японские археологические исследования на Алтае в 1986 г. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1987. – 76 с.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П.** Комплексы каменной индустрии палеолитического памятника Сопка Урожайная. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – 53 с.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М.** Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 280 с.
- Деревянко А.П., Постнов А.В., Чевалков Л.М.** Новые исследования палеолитической стоянки в Усть-Канской пещере // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. – Вып. 11. – С. 58 – 59.
- Деревянко А.П., Постнов А.В., Шуньков М.В., Анойкин А.А., Кулик Н.А.** Геолого-петрографическое изучение материалов палеолитических объектов бассейна р. Ануй // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 52 – 55.
- Деревянко А.П., Ульянов В.А., Шуньков М.В.** Развитие рельефа речных долин северо-запада Горного Алтая в плейстоцене // Докл. Акад. наук. – 1999. – Т. 367, № 1. – С. 112 – 114.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Анойкин А.А.** Археологическая характеристика верхнепалеолитического комплекса Денисовой пещеры // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 153 – 161.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Анойкин А.А.** Археологические материалы плейстоценовых отложений предвходовой площадки Денисовой пещеры // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горн.-Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 3 – 10. – (Изв. лаборатории археологии; № 4).
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Маркин М.М.** Исследование многослойного палеолитического объекта Ануй-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. – Вып. 11. – С. 66 – 69.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Постнов А.В.** Исследования палеолита в устье реки Каракол // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998а. – Т. 1. – С. 162 – 173.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Постнов А.В.** К характеристике среднего этапа верхнего палеолита Алтая // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998б. – Т. 1. – С. 174 – 184.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Постнов А.В.** Первые археологические результаты изучения палеолитической стоянки Ануй-3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998в. – С. 85 – 89.
- Зенин А.Н.** Предварительные итоги исследований в пещере Страшная // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. – Ч. 1. – С. 75 – 80.
- Зыкин В.С.** Определение малакофауны из пещеры им. Окладникова // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – С. 126.
- Зубов А.А.** Одонтология. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1968а. – 199 с.
- Зубов А.А.** Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас // Проблемы эволюции человека и его рас. – М.: Наука, 1968б. – С. 5 – 123.
- Зубов А.А.** Одонтоглифика // Расогенетические процессы в этнической истории. – М.: Наука, 1974. – С. 11 – 42.

Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в современной антропологии. – М.: Наука, 1989. – 230 с.

Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропологии. – М.: Наука, 1993. – 221 с.

Кадилов Б.Х., Лапшин Б.И. Каратурук – новая стоянка каменного века Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 3 – 10.

Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. – М.: Наука, 1974. – 255 с.

Киришин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. – Бийск: АГУ, 1992а. – С. 7 – 47.

Киришин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Бийский район. Памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. – Бийск: АГУ, 1992б. – С. 100 – 114.

Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй / Под ред. Р.С. Васильевского, Ю.П. Холушкина. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – 190 с.

Кононенко Н.А. Функциональная диагностика палеолитической индустрии местонахождения Усть-Каракол // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – С. 43 – 47.

Кунгуров А.Л. Палеолит Солтона // Северная Азия в эпоху камня. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1987. – С. 52 – 70.

Кунгуров А.Л. Верхний палеолит предгорий Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1988. – 19 с.

Кунгуров А.Л. Палеолитическая стоянка Мохнатушка-1 // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1990. – С. 27 – 29.

Кунгуров А.Л. Палеолит и мезолит Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993а. – 88 с.

Кунгуров А.Л. К вопросу о восточной границе нижнекапустинской палеолитической культуры // Культура народов евразийских степей в древности. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993б. – С. 34 – 42.

Кунгуров А.Л. Палеолитическая стоянка Усть-Кулом // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 3 – 9.

Кунгуров А.Л. Палеолитическая стоянка Кукук-5 на Чумыше // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996а. – Вып. 5, ч. 2. – С. 3 – 7.

Кунгуров А.Л. Мальтинский культурный слой поселения Ушлеп-6 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996б. – Вып. 7. – С. 45 – 50.

Кунгуров А.Л. Итоги изучения многослойной палеолитической стоянки Ушлеп-6 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998а. – Вып. 9. – С. 31 – 35.

Кунгуров А.Л. Пятый культурный слой палеолитического поселения Ушлеп-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998б. – С. 119 – 124.

Кунгуров А.Л. Костяные изделия третьего культурного слоя стоянки Ушлеп-6 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. – Вып. 11. – С. 69 – 71.

Кунгуров А.Л., Кадилов Б.Х. Многослойное поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1985. – С. 29 – 50.

Кунгуров А.Л., Маркин М.М. Палеолитические памятники Среднего Причумышья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. – Вып. 5, ч. 2. – С. 15 – 20.

Кунгурова Н.Ю. Палеолитические находки в поселении Майма-1 // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. пед. ин-та, 1992. – С. 25 – 26.

Кунгурова Н.Ю. Палеолитическое жилище на поселении Усть-Кулом // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 9 – 13.

Лапшин Б.И., Кадилов Б.Х. Позднепалеолитическая стоянка у села Майма в Горном Алтае // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 9 – 21.

Малаева Е.М. Об изменчивости климатического режима Горного Алтая в позднем плейстоцене и палеогляциологических реконструкциях // Геоморфология. – 1995. – № 1. – С. 51 – 60.

Малаева Е.М. Палинология отложений разреза палеолитической стоянки Усть-Каракол-1 // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 221 – 230.

Малаева Е.М. Палинология плейстоценовых отложений предвходовой площадки Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 163 – 168.

Маркин М.М. Археологический комплекс второго культурного слоя многослойного памятника Ушлеп-6 // Древние поселения Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998а. – С. 3 – 21.

Маркин М.М. Позднепалеолитическая стоянка Школьная Гора-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998б. – Вып. 9. – С. 35 – 38.

Маркин С.В. Палеолит северо-запада Алтае-Саянской горной области: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1996. – 58 с.

Мартынович Н.В. Птицы позднего плейстоцена из пещеры Окладникова как объект для палеоландшафтных реконструкций // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – С. 66 – 81.

Математические методы в археологических реконструкциях / А.П. Деревянко, Ю.П. Холушкин, В.Т. Воронин, П.С. Ростовцев, Д.В. Екимов, Е.П. Рыбин, Л.В. Андерсон, Г.Ю. Жилищкая, Д.В. Горячев, Ю.Г. Корнюхин, В.С. Костин, Н.Ю. Смирнов, А.В. Постнов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – 139 с.

Матюшенко В.И. Новые палеолитические местонахождения в районе г. Бийска // Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1966. – С. 28 – 35.

- Окладников А.П.** Улалинка – древнепалеолитический памятник Сибири // МИА. – 1972. – № 185. – С. 7 – 19.
- Окладников А.П., Владыкин В.А.** Древнее поселение на р. Куюме (Алтай) // ИЛАИ. – 1967. – Вып. 17. – С. 66 – 79.
- Окладников А.П., Муратов В.М., Оводов Н.Д., Фриденберг Э.О.** Пещера Страшная – новый памятник палеолита Алтая // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1973. – Ч. 2. – С. 3 – 54.
- Палеоэкология** плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – 424 с.; Т. 2. – 480 с.
- Петрин В.Т., Николаев С.В.** Сырьевые источники стоянки Кара-Бом // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. – Ч. 1. – С. 69 – 73.
- Проблемы** палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Глинский, М.И. Дергачёва, Т.А. Дупал, С.А. Ефремов, А.Н. Зенин, А.И. Кривошапкин, О.А. Куликов, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, С.В. Николаев, Т.И. Нохрина, В.Т. Петрин, А.А. Поздняков, С.М. Попова, Е.П. Рыбин, Ю.Г. Симонов, И.Н. Феденёва, Л.М. Чевалков, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 312 с.
- Ранов В.А.** О восточной границе мустьерской культуры // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – С. 262 – 268.
- Рыбин Е.П.** Вариант леваллуазской технологии расщепления камня в мустьерских комплексах стоянки Кара-Бом // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Ч. 1. – С. 265 – 274.
- Семибратов В.П.** К вопросу о нижней границе мезолита бассейна реки Катунь // Изучение памятников археологии Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. – Вып. 5, ч. 1. – С. 74 – 80.
- Сосновский Г.П.** Палеолитическая стоянка у с. Сроски на р. Катунь // МИА. – 1941. – № 2. – С. 109 – 125.
- Хроностратиграфия** палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – 307 с.
- Шпакова Е.Г., Деревянко А.П.** Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок из пещер Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 125 – 138.
- Шуньков М.В.** Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. – Новосибирск: Наука, 1990. – 158 с.
- Baryshnikov G.Y., Maloletko A.M.** Physiographic Distribution Regularities of Palaeolithic Sites in the Altai Area // Anthropozoikum. – 1999. – Vol. 23. – P. 199 – 202.
- Chronostratigraphy** of the Paleolithic in North, Central, East Asia and America. – Novosibirsk: IIFiF SO AN SSSR, 1990. – 269 p.
- Chronostratigraphy** of the Paleolithic in North, Central, East Asia and America. – Novosibirsk: IAET SO RAN, 1992. – 200 p.
- Derevianko A.P.** Paleolithic of Northern Asia and the Problem of Ancient Migrations. – Novosibirsk: IIFiF SO AN SSSR, 1990. – 123 p.
- Derevianko A.P., Markin S.V.** The Mousterian of the Altai of the Middle Paleolithic Culture of Eurasia // The Definition and Interpretation of Levallois Technology. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995. – P. 473 – 484.
- Derevianko A.P., Markin S.V.** The Middle and Upper Paleolithic of the Altai // Anthropozoikum. – 1999. – Vol. 23. – P. 157 – 166.
- Derevianko A.P., Petrin V.T.** Variante de la transition du Moustérien au Paléolithique tardif à l'Altai. – Novosibirsk: IAET SO RAN, 1997. – 32 p.
- Derevianko A.P., Petrin V.T., Nikolaev S.V., Rybin E.P.** The Kara-Bom Site: Mousterian to Late Palaeolithic Evolution of the Lithic Industry in the Altai // Anthropozoikum. – 1999. – Vol. 23. – P. 167 – 180.
- Derevianko A.P., Schunkov M.V.** Neue Ergebnisse zum Paläolithikum im Altai // Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens / Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung. – Mainz: Philipp von Zabern, 1998. – Bd 4. – S. 1 – 9.
- Derevianko A.P., Shunkov M.V., Nash D.T., Lee Heon-Jong.** Paleolithic Study at Denisova Cave // Altaica. – 1993. – N 2. – P. 6 – 10.
- Escutenaire C.** La transition Paléolithique moyen/supérieur de Sibérie. 1re partie: les données // Préhistoire européenne. – 1994. – N 6. – P. 9 – 76.
- Germonpre M.** Preliminary Results on the Taphonomy of Denisova Cave, 1992 Excavations // Altaica. – 1993. – N 2. – P. 11 – 16.
- Goebel T., Derevianko A.P., Petrin V.T.** Dating the Middle-to-Upper Paleolithic Transition of Kara-Bom // Current Anthropology. – 1993. – Vol. 34, N 4. – P. 452 – 458.
- Okladnikov A.P., Pospelova G.A.** Ulalinka, the Oldest Paleolithic Site in Siberia // Current Anthropology. – Vol. 23, N 6. – 1982. – P. 710 – 712.
- Okladnikov A.P., Ragozin L.A.** The Riddle of Ulalinka // Soviet Anthropology and Archaeology. – 1984. – Vol. 23, N 1. – P. 3 – 20.
- Otte M., Derevianko A.P.** Transformations techniques au Paléolithique de l'Altai (Sibérie) // Anthropologie et préhistoire. – 1996. – Vol. 107. – P. 131 – 143.
- Rudenko S.I.** The Ust' Kanskaya Paleolithic Cave Site, Siberia // American Antiquity. – 1961. – Vol. 27, N 2. – P. 203 – 215.
- Shunkov M.V.** Some Problems in the Reconstruction of the Natural Environment of the Central Altai Mousterian sites // Early Man News. – 1990. – N 15. – P. 20 – 22.
- The Paleolithic** of Siberia. – Urbana: The University of Illinois Press, 1997. – 406 p.
- Turner Christy G. II.** Physical anthropology in the U.S.S.R. today. Part II / Quarterly Review of Archaeology. – 1988. – Vol. 8, N 3. – P. 4 – 6.
- Turner Christy G. II.** Paleolithic teeth of the Central Siberia Altai Mountains // Chronostratigraphy of paleolithic in North, Central, East Asia and America (Papers for the International Symposium). – Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy Sib. Br. USSR Acad. Sci., 1990. – P. 239 – 243.

Материал поступил в редколлегию 03.11.2000 г.